

Отрывки воспоминаний *)

ВЪ КОНЦЕНТРАЦІОННОМЪ ЛАГЕРЬ.

I.

Насъ вывели во дворъ тюрьмы. Меня и красивую, съ голубыми глазами и толстой косою, машинистку. Было душно, парило. Чего то ждали. **Нѣсколько** группъ, **окруженныя** конвойными, выходили во дворъ. Это были заключенные, **приговоренные** въ **другіе** лагеря по одному съ нами **дѣлу**. Перебросились словами, простились.

Насъ погнали двое конвойныхъ, вооруженныхъ съ головы до ногъ — меня и машинистку.

Тяжелый мешокъ давилъ плечи. Итти по мостовой больно, до кровяныхъ мозолей сбили себе ноги. Духота становилась все **болѣе** и **болѣе** нестерпимой. А надо было* итти на другой конецъ города, къ Крутицкимъ **казармамъ**.

«Товарищи», обратилась къ **красноармейцамъ** красивая машинистка, **«разрѣшите** итти по **троттуару**, ногамъ больно!»

«Не полагается».

Тучи сгущались, **темнѣло** небо. Мы шли медленно, хотя «товарищи» и подгоняли насъ. Дышать становилось все **труднѣе** и труднее. Закапалъ дождь, сначала нерешительно, **рѣзкими**, крупными каплями, небо разрезала молнія, **загрохоталъ**, отдаваясь въ **каминѣ**, громъ, и вдругъ полился частый, крупный дождь, разрежая воздухъ, омывая пыль съ мостовыхъ. По улице текли ручьи, бежали **прохожіе**, торопясь уйти отъ дождя, стало оживленно и почти весело.

«Эй, стойте-ка вы», обратился къ намъ **красноармеецъ**, «вотъ здесь маленько **обождемъ**», и онъ указалъ подъ ворота большого каменнаго дома.

Я достала **портсигаръ**, протянула его конвойнымъ.

«Покуримъ!»

Улыбнулись и показалось, что сбежала съ лицъ **искус-**

*) См. «Совр. Зап.» № 57:

ственная, злобная, точно по распоряжению начальства при-
своенная, маска.

Я разулась, подь водосточной трубой обмыла вспухшія но-
ги и стало еще веселѣе. Дождь прошелъ. Несмѣло, сквозь уxo-
дящую, изсиня-черную тучу проглядывало солнце, блестяи
мостовыя, троттуары, крыши домовъ.

«Эй, гражданки, идите по плитувару, что ли!» — крик-
нулъ красноармеецъ, «ишь, ноги-то какъ нажгли!»

Теперь уже было легко итти босикомъ по гладкимъ, непро-
сохшимъ еще троттуарамъ.

«Надолго это васъ?» — спросилъ красноармеецъ.

«На три года».

«Э-э-э-эхъ!» — вздохнулъ онъ сочувственно, — «пропала
ваша молодость!»

Я взглянула на машинистку. Она еще молодая, лѣтъ двад-
цати пяти. Миѣ тридцать восемь, три года просижу, сорокъ
одинъ, — много...

Заныло въ груди. Лучше не думать...

Подшли наконецъ къ высокимъ стариннымъ стѣнамъ Но-
воспасскаго лагеря, превращеннаго теперь въ тюрьму. У тя-
желыхъ деревянныхъ воротъ дежурили двое часовыхъ.

«Получайте!» — крикнули конвойные: «привели двухъ».

Часовой лѣниво поднялся со скамеечки, загремѣлъ громад-
ными ключами, зарычалъ запоръ въ громадномъ, какъ бывають
на амбарахъ, замкѣ, насъ впустили и снова медленно и плавно
закрылись за нами ворота. Мы въ заключеніи.

Кладбище. Старые, облѣзшіе памятники, бѣлыя уютныя
стѣны низкихъ монастырскихъ домовъ, тѣнистыя деревья съ
обмытыми блестящими листьями, горьковато-сладкій запахъ то-
поля. Странно. Какъ будто я здѣсь была когда-то? Нѣтъ, мѣ-
сто незнакомое, но ощущение торжественнаго покоя, уюта то
же, какое бываетъ только въ монастыряхъ. Вспомнилось, какъ
въ далекомъ дѣтствѣ я ѣздила съ матерью къ Троице-Сергію.

«Шкура подзаборная, мать твою...»

Изъ-за угла растрепанныя, потныя, съ перекошенными зло-
бой лицами выскочили двѣ женщины. Болѣе пожилая, вцепив-
шись въ волосы молодой, сзади старалась прижать ей руки.
Молодая, не переставая изрыгать отвратительныя ругатель-
ства, мотая головой, точно огрызаясь, изо всѣхъ силъ и рука-
ми и зубами старалась отбиться.

Съ крыльца, чуть не сбивъ насъ съ ногъ, выскочилъ над-
зиратель.

«Разойдись, **сволочь!**» — крикнулъ онъ, **подбѣгая** къ женщинамъ и хватая старшую за воротъ.

Поправляя косынки и переругиваясь, женщины пошли прочь. Мы вошли въ контору. Дрожали **колѣни** не то отъ усталости, не то подъ **впечатлѣніемъ** только что **видѣннаго**.

Съ ними, вотъ съ «такими», придется сидеть мне три года!

Стриженная, съ курчавыми черными волосами, красивая **дѣвушка**, еврейка, что то писала за столомъ. Женщина среднихъ **лѣтъ**, въ **холщевой рубахѣ** навывпускъ, въ **посконной синей юбкѣ** и **самодѣльныхъ туфляхъ** на босу ногу, встала изъ-за другого стола и съ приветливой улыбкой подошла къ намъ.

«Пожалуйста, сюда», — сказала она, — **«миѣ** нужно васъ зарегистрировать. Ваша **фамилія, возрастъ, прежнее званіе?»** — задавала она обычные вопросы. «Ваша **фамилія** Толстая?» — переспросила она. «Имя, отчество?»

«Александра Львовна».

Что-то промелькнуло у **нея** въ лице, не то **удивленіе**, не то радость.

Закуривъ папиросу и небрежно раскачиваясь, еврейка **вышла** на крыльцо и сейчасъ же лицо пожилой женщины преобразилось. Она схватила мою руку и крепко сжала ее.

«Дочь Льва Николаевича Толстого? Да?» — поспешно спросила она меня.

«Да».

Мне было не до нея. Только что виденная мною сцена не выходила изъ головы.

«Большая часть **арестованныхъ** уголовныя?» спросила я **ее**. «Какой ужась!»

«Голубушка Александра Львовна, ничего, ничего, право **ничего!** **Воздѣ** жить можно и здесь хорошо, не такъ ужасно, какъ кажется сперва. Пойдемте, я помогу вамъ отнести **вещи** въ камеру».

Голосъ **низкій**, задушевный.

«Какъ ваша фамилія?»

Она назвалась.

«Дочь бывшего губернатора?»

«Да».

Я снова, совсемъ уже по другому взглянула на нее. А она, поймавъ мой удивленный взглядъ, грустно и ласково улыбнулась.

Навстречу намъ, неся перекинутое на левую руку белье, озабоченной, деловой походкой шла маленькая, стриженная женщина.

«Александра Федоровна», — обратилась къ ней дочь губернатора, — «у насъ найдется мѣстечко въ камерѣ?» — и, оглянувшись по сторонамъ, она наклонилась и быстро прошептала: «дочь Толстого, возьмите въ нашу камеру, непременно!»

Та улыбулась и кивнула головой
«Пойдемте».

Мы прошли по асфальтовой дорожкѣ. Съ правой стороны тянулось каменное двухэтажное зданіе, съ лѣвой — кладбище.

«Сюда, наверхъ по лѣстницѣ, направо въ дверь».

Я толкнула дверь и очутилась въ низкой, свѣтлой квартиркѣ. И опять пахло спокойствіемъ и тишиной монастыря отъ этихъ чистыхъ, крошечныхъ комнатъ, печей изъ стариннаго съ синими ободками кафля, бѣлыхъ стѣнъ, некрашенныхъ, какъ у насъ въ деревнѣ, половъ. Высокая со смуглымъ лицомъ старушка въ ситцевомъ, повязанномъ подъ подбородкомъ сѣренькомъ платочкѣ и ситцевомъ же черномъ съ бѣлыми крапинками платьѣ встала съ койки и поклонилась.

«Тетя Лиза», — сказала ей Александра Федоровна, — «это дочь Толстого, вы про него слышали?»

«Слыхала», — отвѣтила она просто, — «наши единоверны очень даже уважають его. Вотъ где съ дочкой его привель Господь увидеться!» — и сна снова поклонилась и села.

Лицо спокойное, благородное, свѣтлая и радостная улыбка, во всемъ обликѣ что-то важное, значительное.

«Это лицо не преступницы, а святой», — подумала я, — «за что она можетъ сидеть?»

«Вотъ сюда кладите вещи», — сказала мнѣ Александра Федоровна, староста лагеря, указывая на пустую койку рядомъ съ тетей Лизой.

Вдругъ дверь изъ соседней комнаты распахнулась и быстрыми, легкими шагами ко мнѣ подошла очень прямая, старая дама, съ гладкой прической, въ старомодномъ, затянутомъ платьѣ, съ признаками бывлой классической красоты.

«Позвольте съ вами познакомиться. Я Елизавета Владимировна Корфъ».

«Баронесса Корфъ?»

«*Chut! Plus do baronesses! C'est à cause de ça que je souffre*», — прошептала она. «Но вы, за что же васъ могли посадить?» — уже громко спросила она. — «Вашъ отецъ былъ извѣстенъ всему міру своими крайними убѣжденіями».

«Обвиненіе въ контрреволюціи, а впрочемъ я и сама не знаю, за что...»

«*Abominable!*» — воскликнула она.

Вечеромъ мы сидѣли вокругъ стола въ **комнатѣ** старосты — семь женщинъ, не **имѣющихъ** между собой ничего **общаго** — разныхъ **сословій**, разныхъ интересовъ, вкусовъ, **развитія**. Пили чай изъ большого жестяного чайника. Тетя Лиза пила съ блюдечка медленно и **дѣловито**, баронесса принесла изъ своей комнатки маленькую изящную чашечку и пила, оставивъ **мизинчикъ**, дочь губернатора налила кипятку въ громадную эмалированную кружку и пила его безъ сахара, съ корочкой от-вратительнаго тюремнаго хлеба.

«Почему вы чай не пьете?» — спросила я.

Староста только рукой махнула.

«Ужъ отъ голода опухать стала, **а** все другимъ **раздаеть**», — сказала она и въ глазахъ ея засветилась ласка, — **«и»** масло, и сахаръ — все».

«Голубушка, Александра Федоровна, не надо», — поморщилась дочь **губернатора**, — «вы не обращайтесь на меня **вч-манія**, пожалуйста...»

Въ **душѣ** росло **недоумѣніе**. Где я? Что это? Скитъ, **об-и-тель**? Кто эти удивительныя, **кроткія** и ласковыя женщины?

Я легла спать. Толстая, нервная дама, другая соседка по камере, задавала мне безконечные, глупые вопросы. Наконецъ мне это надоело, я отвернулась къ **стѣнѣ** и притворилась спящей. Но спать не могла.

По привычке, какъ это было **всѣ** эти **последніе** дни; я подумала о томъ, что приговорена въ лагерь на три года. Но **къ удивленію** моему, мысль эта не дала мне того **тоскливаго ощу-щенія** почти физической боли, какъ прежде. Передо мной, за-слоняя все остальное, стояло бледное, **немногѣ** опухшее лицо, обрамленное светлыми, почти рыжими волосами, ласково улы-бались серые, добрые глаза. **«Вездѣ** жить можно, и **здѣсь** хо-рошо...» Да, можетъ быть это и правда, — подумала я, — въ моей душѣ **нѣтъ** ни страха, ни чувства одиночества...

II.

Среди ночи я проснулась. Где-то, казалось подъ самыми нашими окнами, стучали железомъ по камню, точно ломомъ пробивали каменную **стѣну**. Гулко раздавались удары среди тишины ночи, мешая спать.

Въ смежной комнате кто-то заворочался.

«Что? Что?» — спросила я.

Никто не ответилъ, все спали. А стукъ продолжался. Сту-чали ломами, слышно было, какъ визжали железныя лопаты о

камни. Мнѣ чудилось, что происходитъ что-то жуткое, нехорошее, оно лезло въ душу, томило...

На утро я спросила старосту, что это было за стукъ, точно ломали ЧТО-ТО и копали.

«И ломали, и копали — все было», — ответила она. «Дѣвченки тутъ, все больше изъ проститутокъ, могилы **разрываютъ**, ищутъ драгоценностей. Надзиратели обязаны гонять, днемъ неудобно, ну, такъ **онѣ** по ночамъ. Должно быть надзиратели тоже какой-нибудь интересъ имѣють, вотъ и смотрятъ на это сквозь пальцы...»

Говорить спокойно, не волнуясь, какъ о **чемъ-то** привычномъ.

«Но надо это какъ-нибудь прекратить, сказать коменданту...»

Она **насмѣшливо** улыбнулась.

«Да надо бы... А впрочемъ не стоитъ, обозлятся **уголовныя**...»

«Разве **находятъ** что-нибудь?»

«Какъ же, находятъ. Золотые кольца, браслеты, кресты. Богатое, ведь, кладбище, старинное».

Я вышла во дворъ. Почти все свободное отъ построекъ место занимало кладбище. Должно быть прежде оно **дѣйствительно** было очень богатое, теперь оно представляло изъ себя страшный видъ разрушения и грязи. Недалеко отъ входа въ **монастырь**, **слѣва** могила княжны Таракановой, дальше простой, каменный склепъ первыхъ Романовыхъ, на мраморной черной плите, **разложивъ** деньги, **двѣ** женщины играли въ карты, тут же рядомъ развороченная могила — куски дерева, **человѣчскія** кости, перемешанные со свежей землей и камнями.

«Дѣвченки ночью разворочали», — просто сказала мне одна изъ **женщинъ** на мой вопросительный взглядъ.

Здесь ко всему привыкли, ничемъ не удивишь.

«А грехъ?» — сказала я, чтобы что-нибудь сказать.

«Какой грехъ? Имъ теперь этого ничего не нужно», — **и** она ткнула **пальцемъ** въ кости, — «а девченки погуляютъ... Да сегодня, кажись, ничего и не нашли», — добавила она съ **дѣловитымъ сожалѣніемъ**.

Никто не возмущался, **всѣ** были спокойны, безучастны. Почему же **меня** это такъ **волнуеть**? **Разстроенное воображеніе**, нервы?

На следующую ночь я опять не могла спать, снова, **когда** весь лагерь погрузился въ сонъ — стукъ, удары лома и лопаты о камень. И такъ продолжалось несколько дней. Наконецъ, стукъ прекратились. Но началось другое, не менее жуткое.

Вечером, когда наступали сумерки, раздавались страшные, **нечеловѣческіе** крики. Казалось это были вопли припадочныхъ, безумныхъ, потерявшихъ всякую власть надъ собой, женщинъ. Въ изступленіи **онѣ бились** головами о стены, не слушая криковъ надзирателей, уговоровъ **своихъ товарокъ**.

Кокаинистки, съ отравленными табакомъ и алкоголемъ организмами, почти **всѣ крайнія** истерички, **«дѣвченки»** не выдержали этого ежедневнаго **ворошенія** человеческихъ скелетовъ а череповъ, срывания колець съ костей рукъ съ присохшими на нихъ остатками кожи. Мертвецы преследовали ихъ, оне **видѣли** ихъ тени, слышали ихъ упреки, ихъ мучили **галлюцинаціи**. **Ежедневно**, какъ только смеркалось, оне видели, какъ мутной тенью подъ окнами проплывала человеческая фигура. Она останавливалась у окна, принимала **опредѣленныя** формы монаха въ серой рясе и медленно сквозь желѣзныя решетки вплывала въ камеру.

Женщины бросались въ разныя стороны, падали на полъ, закрывая лица руками. **Наступала** общая истерика, острое помешательство, пронзительные визги перемешивались со стономъ и жуткимъ хохотомъ, отъ ужаса у меня шевелились волосы на голове, **нѣмѣли** ноги.

III.

«Что за странный типъ?» — спросила я старосту, указывая на человека въ солдатской шинели, высокихъ сапогахъ съ **мужскимъ**, точно выбритымъ лицомъ. — «Кто это, мужчина **или женщина?**»

«А! Это Жоржикъ. Ее **многіе** за мужчину **принимають**. Любопытный типъ! Пойдите, я позову ее. Жоржикъ!»

«Что прикажете, Александра Федоровна?» — бойко отозвалась женщина.

«Ты бы зашла!»

«Есть», — ответила та по-солдатски, — «Вечеркомъ обязательно зайду».

«Любопытный типъ», — еще разъ повторила староста. — «Закоренелая, шестнадцать судимостей имеетъ уже за кражу, но, какъ видите, жизнерадостности своей не утеряла. Очень способная. Голосъ громадный и музыкальна. Вотъ сегодня вечеромъ попросимъ ее спеть — услышите. И **чѣмъ** только она не **была**, и певицей на открытой сценѣ, и борцомъ — силища у нее непомерная».

«Александра Федоровна», — перебила я старосту, смеясь,

— «вы какъ *будто* даже съ симпатіей говорите объ этой воровкѣ».

«Да, представьте себѣ. Изъ всѣхъ уголовныхъ только ей одной я и доверяю. На воровство она смотритъ, какъ на промыселъ, а въ обыденной жизни это честнѣйшій человѣкъ. Не то, что вся эта шпана. Я ее еще съ Бутырокъ знаю, вмѣстѣ сидѣли. Она тамъ ифѣдый скандалъ устроила изъ-за барышни одной. Барышня такая слабенькая, худенькая была, Жоржикъ все за ней ухаживала и привязалась къ ней. Какъ собака преданная ходила за ней, въ глаза смотрела, все для нея делала. И вотъ кто-то обидѣлъ барышню эту, что-то оскорбительное, кажется, на политической почве, ей сказали. Барышня заплакала. Чѣмъ тутъ съ Жоржикомъ сделалось, разсвирѣпѣла она, себя не помнитъ, полезла съ оскорбителями драться. Была она и сиделкой въ больнице тюремной, больные любили ее. Только опять какой-то скандалъ у нея тамъ съ начальствомъ вышелъ. Убрали ее оттуда. А ловкая какая. Я лично была свидетельницей, какъ она двумя чайными ложками замокъ отпирала».

Признаюсь, Жоржикъ заинтересовала меня.

«А давно она здѣсь сидитъ?»

«Да около года. Но она вѣдь на особомъ положеніи, добытчицей у коменданта состоитъ, онъ на работу ее отпускаетъ...»

«На какую работу?»

«Какъ на какую? По ея специальности, конечно, — воровать».

«Вы шутите, Александра Федоровна».

«И не думаю. Они и условіе между собой заключили. Что Жоржикъ принесетъ — пополамъ делятъ. Иногда онъ заказы ей дѣлаетъ. На дняхъ заказалъ ей для жены боа соболій, такъ что же вы думаете? Принесла, только не соболій, а скунсовый, собольяго, говорить, не нашла. Но Жоржикъ свою часть всю раздаетъ, ничего себе не оставляетъ. Подруга у нея тутъ есть, съ ней поделится, а го закупить угощенія, несколько дней пиръ горой идетъ... Одинъ разъ комендантъ послалъ ее на добычу. Такъ что же вы думаете? Попалась ей где-то за городомъ пара лошадей. Возвращается она съ ними утромъ въ лагерь, вдругъ останавливаетъ ее по дороге милиционеръ. «Откуда коней ведешь?» «Изъ Новоспасскаго лагеря копать водила». «Прешь. Какая можеть бытъ ковка въ такой ранній часъ. Идемъ со мной въ лагерь». Пришли они, вызываютъ коменданта. Комендантъ сейчасъ же смекнулъ, въ чемъ дело. «Ваши это кони, товарищъ комендантъ?» — спрашиваетъ милиционеръ. «Мои», — отвѣчаетъ. Милиционеръ ушелъ, а коней поделили,

какъ полагалась по условію. Одного получила Жоржикъ и подарила **заклоченнымъ**, съели его, а **другой...**

«Ну, ужъ **извините** меня!» — воскликнула я, — «этому я не **повѣрю**, сказки все это».

«**Какія** же сказки», — обиделась Александра Федоровна. — «Весь лагерь объ этомъ знаетъ, да и сами убедиться можете. Вонъ посмотрите, комендантская лошадь пасется...» — и она указала мне на серую въ яблокахъ худую лошадь, старательно выщипывающую траву между **могильныхъ** плитъ.

Вечеромъ Жоржикъ была у насъ въ **гостяхъ**:

«Ну, пришла», — сказала она такимъ тономъ, точно знала напередъ, что все будутъ ей очень **рады**.

Сели пить чай. Въ центре **вниманія** — гостя, воровка, шестнадцать разъ побывавшая въ **тюрьмахъ** — царскихъ, советскихъ — безразлично, изведавшая все пороки, вся сотканная изъ сложнейшихъ **противорѣчій**: жестокая и **вмѣстѣ** съ **тѣмъ** сердечная, добрая къ окружающимъ, завистливая до чужого добра и совершенная **безребреница**, грабительница, воровка, сохраняющая свою честь и воровскую этику, а главное и прежде всего — спортсменка. Вся жизнь для нея опасная игра, въ ежеминутномъ рискѣ свободой, даже жизнью — **цѣль**, **наслажденіе**, смыслъ ея **существованія**.

Жоржикъ скоро перестаетъ стесняться. Одинъ за **другимъ** она демонстрируетъ свои таланты. Ставъ въ позу, она **вдругъ** громаднымъ слегка охрипшимъ голосомъ затянула **какую-го арію**, не выдержавъ перешла на шансонетку, и высоко задирая ноги, стала изображать кафешантанную певицу.

«Жоржикъ, расскажи про свои **похожденія**», — попросила староста.

«Можно. Только вотъ выпить у васъ нечего...»

«А чай?»

«Чай, это что. Вода и вода, кабы поднесли, совсемъ **другой** табакъ былъ бы. Ну да ладно».

Жоржикъ уселась, заложивъ ногу на ногу и утирая вспотевшее, красное, съ широкими скулами и мясистымъ носомъ, **лицо**.

Не одно свое **приключеніе** рассказала намъ Жоржикъ въ этотъ вечеръ.

.....

«Жоржикъ», — спросила я ее, — «а вы пробовали когда-нибудь жить по честному, не воровать?»

Лицо ея сделалось **мрачнымъ**, почти злымъ.

«Пробовала. Не могу. **Тянетъ**. Одинъ разъ шесть месяцевъ

не воровала. Такъ такая тоска меня взяла, думала съ ума сойду отъ этой честной жизни-то вашей... **Встрѣтила** товарищей, опять ушла, не вытерпѣла.

«А страшно было, какъ на первое дѣло пошла?»

«Не помню. Давно дѣло это было. Про Сашку Семинариста слышали?»

«Слыхали!»

«То-то и оно, про него даже въ газетахъ писали», — и въ голосѣ Жоржика послышалась некоторая гордость. «Вотъ онъ меня и училъ, съ нимъ **вмѣстѣ** работали. Я сама петроградская. Родители мои жили очень бедно. Сначала решили мне хорошее образование дать. Въ гимназій я училась, только не осилили, взяли меня изъ пятого класса и замужъ отдали за старика **богатаго**. Гадкій былъ старикашка, 70 лѣтъ, а такой пакостникъ, что и не выговоришь. Не вытерпела я, стащила у него «катеньку» и драла. Куда итти? Мне тогда семнадцать минуло. **Остановилась** я въ номерахъ, страшно было одной-то. Ну вотъ тутъ* то Сашка Семинаристъ и встретился со мной, сошлась съ нимъ...

«Э, да чего старое поминать. Дайте-ка мне лучше **папироску**». — Она закурила и съ силой несколько разъ затянулась. — «Четвертый десяткъ пшелъ! Не къ чему меняться-то **ужь**. Пристрелять где-нибудь какъ собаку подъ **заборомъ** или въ тюрьме издохну — все едино!»

И опять хмурое, почти злобное лицо.

«Орлова, Манька! На свиданіе!»

Маня, торопливо сложивъ работу, поправивъ передъ кусочкомъ зеркала кудельки на лбу и привычнымъ движеніемъ проведя краснымъ карандашомъ по губамъ, рысью бежала съ лестницы.

«Гражданку Корфъ на свиданіе!»

Мы всегда чего-то ждемъ и эти надежды, малыя и большія, какъ звезды **сіяютъ**, освещая жизнь. Въ тюрьме мы ждали **воскресеній**. Дни свиданій были маленькими звездами въ тюремной жизни. Большой, ярко **сіявшей** передъ нами звездой была надежда на освобожденіе.

Пока меня не вызывали, я томилась, не сиделось въ **камерѣ**. Я вышла во дворъ, прошла къ воротамъ. Здесь толпились уже люди: проститутка Зинка нацепила на голову могильный венокъ и выплясывала около воротъ, напевая похабную песню, кое-где около памятниконъ и на плитахъ сидели по двое и разговаривали. Въ дальнемъ уголке на выступе памятника сидѣла

баронесса Корфъ съ другой старушкой, **пріятельницею**, которая каждое воскресеніе приходила къ ней, принося скромную передачу, главное немножко кофе, безъ котораго баронесса не могла существовать. **Обе онѣ сидѣли** прямые, **высохія**, **подобранныя**, точно боясь **запачкаться** окружающей ихъ физической и моральной грязью. До меня долетали обрывки французскихъ фразъ.

Навстречу мне, чуть не сбивъ какую-то заключенную съ чайникомъ, пронеслась въ кубовую Зинка-проститутка.

«Чортъ, полоумная», — бросила ей та.

«Мать на **свиданіе** пришла», — и Зинка понеслась дальше.

Подъ окнами слонялась **Пончикъ**, обрывая **большіе** кленовые листья, прикладывала ихъ къ губамъ, щелкала.

«Мать ждешь?»

«Не **придетъ**. Все болеетъ...»

«Гражданка Толстая, къ вамъ».

Знакомые, друзья... въ рукахъ корзины съ передачей.

Иногда приходила сестра Таня, она такъ же, какъ баронесса, входила точно платье подбирала, боясь запачкаться... Лицо ея выражало брезгливость, **отвращеніе**. Она старалась не замечать грубо намалеванныхъ лицъ, не слышать грязныхъ словъ.

Кривая Дунька, подражая Зинке, плясала и кривлялась, напевая гадкую песню.

Сестра казалась мне **существомъ** иного Мира, и я мучилась вдвойне, и когда она уходила и захлопывались за ней **тяжелыя** ворота, я чувствовала **облегченіе**.

Но проходило воскресеніе, и мы снова ждали, ждали всю **недѣлю**, и волновались, въ ночь съ субботы на воскресеніе не могли спать отъ **волненія**.

Дочь губернатора, Александра Федоровна, и Дуня были лишены и этой радости, у нихъ не было въ Москвѣ ни родныхъ, ни знакомыхъ.

IV.

Я занималась въ лагере просветительной работой, решила устроить школу для **неграмотныхъ-уголовныхъ**. Комендантъ поощрилъ мое **начинаніе** и даже отпустилъ въ Народный **Комиссаріатъ Просвѣщенія** въ городъ за **пособіями** и волшебнымъ фонаремъ для **лекцій**.

Но мои первые шаги на пути къ просвещенію начались неудачей.

Надо было переписать **всѣхъ** неграмотныхъ и я сговори-

лась съ комендангомъ, чтобы сдѣлать это при вечерней проверке. Проверка происходила на дворѣ. Женщинъ выстраивали шеренгой и помощникъ коменданта или самъ комендантъ съ надзирателемъ ходили по рядамъ съ карандашемъ и списками въ рукахъ и выкликали заключенныхъ.

«Степанова!»

«Здесь».

«Ильвовская!»

«Я».

Одна изъ женщинъ, увлекшись разговоромъ съ соседкой, ответила не сразу.

«Въ карцеръ».

«За что-же это? Что-жъ я такое сделала?»

«Молчать! Въ карцеръ!»

«Не можете за это человека въ карцеръ сажать. Что-жъ я такое сделала? Такихъ правовъ даже нетъ».

«Я те покажу права. Возьмите ее», — крикнулъ онъ надзирателю. — «Въ Романовскій!»

Женщину схватили и поволокли, она изо всехъ силъ отбивалась, визжа и ругаясь.

Проверка кончилась, разошлись, но черезъ несколько минутъ на дворѣ послышались взволнованные голоса и две женщины ворвались въ камеру.

«Александра Федоровна, скорей! Самсонова бьется!»

Мы вскочили и со всѣхъ ногъ бросились за ними, внизъ по лестнице, на кладбище, мимо памятниковъ, могильныхъ плитъ къ Романовскому склепу.

Онъ былъ запертъ большимъ, всячимъ замкомъ. Въ мрачныхъ стѣнахъ не было ни малейшаго просвета. Где-то, казалось очень глубоко, глухо слышно было, какъ билось тело.

Стоило величайшихъ усилій добиться отъ коменданта освобожденія Самсоновой изъ карцера. Когда наконецъ отперли склепъ и вынесли женщину изъ подвала, она была безъ сознания. Тело ея сокращалось въ судорогахъ, пена застряла въ углахъ рта, текла по подбородку, изъ горла вырывался хрипъ.

Я видела Самсонову на другой день вечеромъ, когда она вмѣстѣ съ другими возвращалась съ работы. Она шла съ трудомъ, едва передвигая ноги.

«Какъ вы себя чувствуете, Самсонова?» — спросила я.

Она подошла ко мнѣ вплотную и просто, безъ словъ, подняла сборчатую юбку. Я невольно отшатнулась. Нога выше колена страшно распухла и вся была покрыта ссадинами и изсиня-багровыми кровоподтеками.

Особенно тяжелое **впечатлѣніе** на меня всегда производила молоденькая девушка Надя. Тюрьма сломала ее, **опустошивъ** ее детскую душу, **безпошадно** бросивъ ее на путь разврата, **преступленія...**

* Я никогда не видала на этомъ **лицѣ** улыбки, радости.

«Надя...»

Она **подымаетъ большіе**, черные глаза и смотритъ **испуганно**, какъ побитая собака.

«Надя, опять?» — спрашиваетъ ее дочь губернатора.

Надя низко опускаетъ голову и молчитъ.

Я часто вижу, какъ она сидитъ на каменной плите, **устре-**мивъ глаза въ одну точку.

«Вотъ поругайте ее, Александра Львовна, кокаинъ нюхаетъ. Сахаръ продаетъ, хлебъ пайковый, **зарабатываетъ** что, — все на кокаинъ тратитъ».

«Все равно...»

«Какъ это такъ все равно. Ты молодая, тебе жить надо, а ты губишь себя».

«Мне легче такъ, не думается».

Дочь губернатора наклоняется къ ней и что-то шепчетъ. Резкимъ **движеніемъ** девушка вдругъ отстраняется отъ нея и вскакиваетъ.

«Неправда, неправда все это! Если Богъ существуетъ, **развѣ** Онъ допустилъ бы!.. Ха, ха, ха! Сказали тоже Богъ... ха, ха, ха!»

Надя истерически хохочетъ, черные глаза ея сверкаютъ, на щекахъ выступаютъ **красныя** пятна.

«Надя, Надя, успокойся, пойдемъ къ намъ...»

«Къ вамъ? Къ порядочнымъ? Къ честнымъ? А вы знаете, кто я? Знаете?»

«Перестань, Надя».

«А, боитесь, чтобы я сказала, а я вотъ нарочно скажу: я, я...»

«Замолчи, Надя!» — властно крикнула дочь губернатора, — «молчи, слышишь? Пойдемте, ей лучше одной...»

«**А-а-а-а!** Не хотите слушать. Не нравится. Святыя тоже... ха, ха, ха!»

И долго въ ушахъ звенелъ безумный, **истерическій хохоть** отравленной кокаиномъ девушки, потрясая душу **безпросвѣтнымъ** ужасомъ.

Вечеромъ дочь губернатора рассказала мне Надину **исторію**. Она жила съ семьей въ пограничной полосе, въ **Западномъ краѣ**. Почему-то она оказалась оторванной отъ семьи, и когда проби-ралась домой, ее схватили красные и обвинили въ **шпіонажѣ**. Ей было шестнадцать леть, она училась въ пятомъ классе гимназій

Нѣсколько дней ее держали подъ арестомъ въ маленькомъ пограничномъ городке. Случайно она попала на глаза коменданту. Онъ сталъ заговаривать съ ней, и наконецъ обещалъ ей свободу, если она исполнить его требованія. Почувствовавъ скорее, чѣмъ понявъ правду, она отказалась. Онъ силой овладѣлъ ею и обозлившись на ея сопротивленіе, снова бросилъ въ тюрьму. Здесь ее поочереди насильовали надзиратели. Когда ее отправили по этапу въ Москву, она была полупомешанная. По дороге она заболела, попала въ больницу, где чуть не умерла.

Съ первыхъ же дней я обратила вниманіе на низенькую, толстенную съ крепкими, румянными щечками, девочку. На видъ ей было летъ пятнадцать, лицо ея сохранило какую-то детскую наивность, чистоту. Въ лагере ее называли «Пончикомъ», и это названіе очень подходило къ ней, она была похожа на слобную, румяную булочку.

Заключенные хорошо относились къ ней, но часто ласково и добродушно надъ ней подсмеивались.

«Пончикъ, а Пончикъ, за что въ тюрьму попала?»

Девочка улыбалась и молчала.

«Пончикъ, скажите мне, я не знаю».

«За пончики», — отвечала девочка, потупивъ свои голубенькіе глазки.

«Какъ же такъ, за пончики?»

Девочка пыжилась, краснела, но затемъ рассказывала свою исторію. Оне жили вдвоемъ съ матерью. Мать пекла пироги, а девочка носила ихъ продавать. Права на торговлю оне не имели, торговали такъ, на шаромъжку. «Сидишь, торгуешь, а сама такъ во все стороны и глядишь, чтобы милиціонеръ не поймалъ. А увидимъ милиціонера, все лотошники бежать, кто куда, въ переулокъ-ли какой, въ подворотню...»

«Одинъ разъ я попала. Милиціонеры облаву сделали. Схватили, требуютъ штрафъ. А сами, собаки, похватили мои пончики, только что мать изъ печки выгатила, горячіе, да и давай лопать. Не успела оглянуться — лотокъ пустой».

Пончикъ вздохнула и проглотила слюну.

«Ну, дснэгъ у насъ съ матерью не было, — меня посадили... Вотъ и все».

«Пончикъ!» — крикнула кривая Дунька, — «это ты первый разъ за пончики сидела... А теперь за что? Ты вотъ имъ, — и она ткнула грязнымъ пальцемъ въ мою сторону, — расскази, какъ ты съ кавалерами гуляла, да какъ...»

«Не хочу, не хочу...»

«Разкажите мне, **Пончикъ**, **Я** смеяться не буду».

Вдругъ все лицо ея сморщилось, опустились книзу **полныя** губы, задрожала нижняя челюсть и она громко, по-детски заплакала.

«Мадамочка, угостите папиросочкой».

«Пожалуйста. Ваша **фамилія** Ильвовская?»

«Неть, то-есть да, сейчасъ моя **фамилія** Ильвовская, но я, видите-ли, столько фамильевъ переменила, что иногда забываю».

«Зачемъ же?»

«Наше ремесло такое. Попалась Васильевой, отсидела, вышла на волю Владимировой, а тамъ...»

«У, паскуда», — буркнула уголовная воровка-профессионалка, — «какое же у тебя ремесло?»

«А вы, мадамъ, меня не задевайте», — огрызнулась Ильвовская, — «если мы по ширме ***)** работаемъ, то это намъ гораздо способнее. Два дела заразъ делаемъ... Посмотрели бы вы, съ какими кавалерами гуляю. На отдельной квартире жила... Какъ вы думаете, мадамъ», — обратиласъ она ко мне, — **«фамилія** Ильвовская приличнее, чемъ Васильева?»

«Не знаю. А за что же сейчасъ сидите?»

«Пустякъ. Золотые часы съ чепочкой. Ахъ, мадамочка. Вотъ я такая глупая... Не поверите. Влюбилась. Армяшечка. Такой **душка-брюнетикъ**, глаза какъ огонь, **одѣтъ** прилично, запонки золотыя, костюмъ **англіійскій**, модный. Шикъ! Влюбилась, влюбилась... А онъ, верите ли, ничего не **жалѣлъ** для меня. Только... ремесло проклятое сгубило. Въ номерахъ было дело. **Засянулъ** онъ. А я не сплю, золотые часы съ чепочкой не даютъ мне покоя. Не вытерпела я, встала, оделась, ухватила часы, да бежать. Только изъ дверей, а онъ меня — **цапъ**. Засыпалась. Мадамочка, подарите еще папиросочку».

Ильвовская закурила и лихо, **тряхнувъ** кудельками, во все горло заорала:

«Я на бочке сижу,
А подь бочкой мышка,
Пускай белые придуть,
Коммунистамъ крышка!»

*) «По ширмѣ», на воровскомъ жаргоне, — карманники.

«Ну и отчаянная же», — промолвила староста, — «ничего не боится».

«Шпана...» — съ величайшимъ презрѣніемъ прошипела одна изъ уголовныхъ.

«За что васъ посадили, тетя Лиза?

«За самогонъ».

Я съ удивленіемъ посмотрѣла на нее. Неужели я ошиблась. Тетя Лиза производила впечатлѣніе человека вѣрующаго, сильнаго духомъ, одна изъ тѣхъ крестьянъ самородковъ-сектантовъ, КОТОРЫХЪ такъ высоко ценилъ отецъ.

«Вы гнали самогонъ, тетя Лиза?»

«Господь съ вами. Наша вѣра этого никакъ не дозволяетъ, не курили», не пьемъ и во всякой чистоте должны соблюдать себя».

«Какъ же такъ?»

«Соседка у насъ самогономъ занималась. Ну, цагрянула милиція, перепугалась она, да изъ своего погреба взяла КОТЕЛЪ къ намъ въ сарай и перенесла. Обвинили меня, да вотъ безъ суда и слѣдствія шестой мѣсякъ и держать здѣсь. Ну, да вездѣ Богъ, Его святая воля...»

Каждое воскресенье утромъ въ камеру къ намъ приходила девочка летъ тринадцати съ узелкомъ — белымъ хлебомъ, яйцами, бутылочкой молока. Девочка называла старушку «тетя Лиза», тетя-же Лиза ее называла «дочкой».

«Воспитанница наша», — поясняла она, — «все равно, что дочка мне», — говорила она, ласково глядя девочку по гладкой, белокурой головке. — «Это одиннадцатая. Одиннадцать воспитали, нѣкоторыя въ люди вышли, работаютъ, ну а четверыхъ замужъ отдали».

«Тетя Лиза, голубушка, объясните мне, какъ вы живете. Какъ это вы сиротъ держите?»

«Ну, что вамъ сказать? Дело это издалека ведется. Скопцы мы. Скопчество еще съ юности приняли. Ну болеть принимать мы съ сестрой не стали, а такъ обещались, чтобъ въ чистотѣ жизнь свою прожить. Помиловаль меня Богъ, спасъ, прожила я вѣкъ свой, не согрешила...»

«Труню было, тетя Лиза?»

«Неть. Одинъ разъ только соблазнъ пришелъ великій. Полюбился мнѣ парень одинъ, ужъ какъ онъ меня уговариваль, улешаль. Заболела я даже, думали чахотка у меня. Ну ничего, перешло это все, да и ведь и то сказать, глупость это одна,

слабость. А сестра вот не выдержала, согрешила. Много **слезъ** мы тогда съ ней пролили. Ну, пришла она домой, плачетъ, разливается. Соблазнитель ее бросилъ, а она въ положенш... Родила она, только ребенокъ съ недельку пожилъ, да и отдалъ душеньку Богу. И решили мы тогда съ ней **грѣхъ** сестринъ замаливать — сиротокъ на **воспитаніе** брать».

«Какъ же вы жили, тетя Лиза?»

«Очень просто. Вязальная машина у насъ есть, трехъ **козъ** держимъ, съ десятокъ куръ, — вотъ и живемъ. А много ли намъ надо?»

Я смотрю на ея сухое, **скуластое** лицо съ повязаннымъ на голове ситцевымъ всегда чистымъ серенькимъ **платочкомъ**, на ея черную съ белыми крапинками ситцевую кофту навывпускъ, такую же юбку въ сборахъ, смотрю въ ея умные, черные глаза, **такіе** спокойные и чистые, и мне делается неловко и стыдно за себя, за всю свою жизнь...

Да, ей немного надо, а если и надо, то не для себя, для другихъ.

Говорить тетя Лиза мало, по утрамъ читаетъ **Евангеліе**, отчего глаза ея краснеютъ и слезятся, отмечаетъ страницу засиженной мухами закладочкой съ ангелочками.

Тетю Лизу выпустили черезъ **мѣсяцъ** после **того** какъ меня посадили.

«Тетю Лизу на свободу!» — во все горло орала Жоржикъ. Все сбежались провожать.

«Давайте **вещи** свяжу».

«Я донесу вамъ до воротъ», — пищала Пончикъ.

«Тетя Лиза, **хлѣба** на дорожку».

«Голубушка, тетя Лиза, **осиротѣемъ** мы безъ васъ», — ласково говорила **дочь** губернатора, — «но я такъ рада, такъ рада за васъ».

Тетя Лиза **сіяетъ**. Она суетится, спешить, но всемъ **успѣ**ваетъ сказать ласковое слово.

Мы идемъ толпой къ воротамъ, неся узелки тети Лизы, она сконфуженно и ласково улыбается. **Открываются** тяжелые ворота.

«Тетя Лиза, какъ же вы донесете все?»

«Ничего, тутъ въ Крутицахъ знакомые есть, кое-что у **нихъ** оставлю, а потомъ за остальными приду. Въ воскресенье наведаюсь», — говоритъ она и низко въ поясъ кланяется: **«Господь** съ вами».

Открываются тяжелые ворота, тетя Лиза взваливаетъ одинъ узелъ на плечо, забираетъ остальные въ обе руки.

«До свиданія. Прощайте, тетя Лиза, счастливый путь», — слышатся голоса. Снова со скрипом закрываются ворота. И те, которые плачут. Не то о тете Лизе, не то о себе... На душе у меня светло.

V.

Кормили насъ плохо. По утрамъ Александра Федоровна получала продукты на руки: полфунта полусырого, тяжелого съ мякиной хлѣба на человека въ день, сахаръ и масло. Чистыми маленькими ручками она аккуратно раскладывала кусочки газетной бумаги на столе и разрезала соленое, желтое, захватанное грязными пальцами масло на маленькіе кусочки, и чайной ложечкой разсыпала на равныя кучки сахаръ, $1\frac{1}{2}$ -2 ложки на человека.

Къ обеду давали супъ, чаще всего изъ очистковъ мороженой картошки. И такъ какъ промыть мокрую, мягкую, иногда полугнилую картошку было трудно, супъ былъ съ землей, приходилось ждать пока грязь осядетъ на дно чашки. На второе давали пшеничную кашу безъ масла. Къ ужину ту же пшеничную кашу или по одной вобле. Воблу мы предварительно долго и сильно били о могильныя плиты, пока изъ нея не вываливалась оранжевая икра или темныя молоки и она не делалась мягкой.

Между заключенными шла постоянная мена. Меняли хлѣбъ на папиросы, на сахаръ, на старую одежду.

«Эй, Пончикъ! Жоржикъ хлѣбъ на папиросы мѣняетъ».

И вечно голодная девочка, откуда-то раздобывшая пачку папиросъ, мчалась стрелой въ камеру къ Жоржику за хлѣбомъ.

Въ нашей камере только армянка, арестованная за спекуляцію брилліантами, и я получали передачу. Но иногда, можетъ быть разъ въ мѣсяць, политическія получали сахаръ, постное масло и папиросы изъ Краснаго Креста.

Согласно тюремной этике, установившейся среди политическихъ, продукты, получаемые изъ дома, передавались въ общій котель, только на табакъ и папиросы признавалось право личной собственности.

Когда приходила передача изъ Краснаго Креста, устраивался пиръ. Затапливали каминъ, пропитывали хлѣбъ подсолнечнымъ масломъ и жарили на угляхъ. Запивали сладкимъ въ накладку чаемъ. Было уютно въ маленькой келье около стараго, изъ белыхъ съ синими ободочками кафель, камина, не похоже, что въ тюрьме.

Одна только дочь губернатора не принимала участія въ нашемъ пиршествѣ.

«Пожалуйста, идите къ намъ жареное есть», — кричали ей.
«Благодарю васъ, я сыта», — отвечала она.

А на утро Надя или еще кто-нибудь изъ уголовныхъ выходили изъ ея комнаты съ пакетомъ и бутылкой постнаго масла.

Кусочки пайкового масла она отдавала Дуне или баронессѣ.

«Изведете вы себя», — упрекала ее староста. — «Нельзя такъ».

«Не емъ я его, Александра Федоровна. Обхожусь», — отвечала она, улыбаясь своей кроткой улыбкой.

Должно быть я никогда не узнаю, какъ трудно было моимъ друзьямъ доставать все то, что они приносили мне въ заключеніе. Передачи были громадныя, я никогда не могла бы одна поглотить всего, что приносилось, но насъ было 89 человекъ и иногда на два послѣднихъ дня еды не хватало.

Среди заключенныхъ давно уже были разговоры о томъ, что львиная доля продуктовъ шла на администрацій лагеря. Всѣ возмущались втихомолку, но говорить объ этомъ громко боялись.

«А что полагается коменданту и его помощникамъ?» — спросила я какъ то у старосты.

«Да ничего не полагается, у нихъ свои пайки...»

«Такъ почему же никто не протестуетъ?»

Староста только рукой махнула.

А на обедъ опять принесли супъ изъ очистковъ и кашу безъ масла.

«Я пойду къ коменданту», — сказала я, — «это чортъ знаетъ что такое. Нельзя же молча смотреть, какъ заключенныя голодаютъ».

«Напрасно вы это, Александра Львовна, ей Богу напрасно».

Но остановить меня было трудно... Схвативъ котелокъ, я пошла въ контору. Комендантъ въ фуражке сидѣлъ за письменнымъ столомъ и съ видимымъ напряженіемъ разсматривалъ какую-то бумагу.

«Товарищъ комендантъ. Смотрите, чѣмъ насъ кормятъ».

«Что-о-о-о?»

«Неужели намъ полагаются вместо картошки картофельные очистки въ супъ и каша безъ масла?»

«Вы что, гражданка Толстая, бунтовать вздумали?»

«Я хочу, чтобы заключенныя получали то, что имъ полагается. Больше ничего».

Широкое веснучатое лицо вдруг побагровело, громадный кулак поднялся в воздух и с силой ударился об стол.

«Молчать! Эй, кто там? Назначить гражданку Толстую дежурить в кухню на 25 и 26 декабря».

Я повернулась и вышла.

В день Рождества я встала в шесть часов и пошла в кухню. Было еще темно.

«Дядя Миша», единственный монах, каким-то чудом удержавшийся в Новоспасском, гремя ключами, пошел выдавать продукты. В кухне одна из кухарок стала делить на две половины масло, сахар и мясо.

«Что это вы делаете? Куда это?»

«Коменданту и служащим».

«Не надо», — сказала я.

«То-есть как это не надо?»

«Не надо резать. Все это пойдет на заключенных. Администрации ничего не полагается».

Кухарки ворчали, бранились, но я как церберь следила за продуктами, поступавшими в кухню и настояла на своем. В первый день Рождества заключенные получили хороший обед.

Но комендант смотрел на меня волком. Заключенные качали головами.

«Не простить он вам этого. Не сможет теперь отомстить — потом сорвет».

Да я и сама чувствовала, что положение мое в лагере должно было измениться. Прежде мне разрешалось иногда ходить в город: в Наркомпрос за волшебным фонарем для лекции, к зубному врачу. Комендант ценил мою работу по организации тюремной школы и устройству лекций. В его отчетах вероятно немало писалось о культурно-просветительной работе Новоспасского лагеря.

Теперь я была на подозрени. Я боялась писать дневник, боялась как делала это раньше, отправлять написанное в пустой посуде из-под передачи домой. Я стала искать место, где я могла бы хранить дневник в камере.

Один из кафелей с синими изразцами в лежанке расшатался. Я вынула его, положила листки и опять заделала.

«Что это вы все пишете?» — спрашивала меня портниха Майя, сидевшая за воровство, и недавно переведенная в нашу камеру.

«Вась описываю», — ответила я смеясь.

Она ничего не сказала, но я чувствовала, что она заинтересо-

валась моимъ **писаніемъ**. Мы боялись этой Мани, она была дружна съ женой коменданта.

«Маня, что это? Какая красота!» — воскликнула одинъ разъ армянка, когда **Маня развернула узелъ** съ только что принесенной работой.

«Комендантской жене платье шью», — **отвѣтила** Маня.

«Тоже сказала — жена», — возмутилась одна изъ женщинъ, — «Такихъ-то женъ у него... счетъ потеряешь», — и она съ **жаднымъ** любопытствомъ потянулась къ кровати, **на которой** Маня раскладывала великолепный, тяжелый бархатъ густо-лилового цвета.

Черезъ несколько дней Маня сдала лиловое бархатное платье и принесла другую **матерію**, еще лучше, превосходный, плотный белый съ золотыми разводами, шелкъ.

Вечеромъ въ комнату старосты вошла армянка съ кусочкомъ **матеріи** въ рукахъ. «Смотрите. Изъ архирейскихъ саккосовъ шьетъ. Ей Богу», — взволнованно прошептала она.

Среди лоскутовъ, валявшихся на полу, она нашла золотой крестъ.

«Александра Федоровна», — спросила я старосту, когда мы остались съ ней вдвоемъ: — «Вы знали, что комендантъ грабить монастырскую ризницу?»

«Знала», — сказала она, «давно знала. Но что поделаешь? Все равно не нынче, завтра разграбятъ. Тамъ уже теперь и **нѣтъ** ничего. Знаете, какой крестъ спустил? Золотой, пять фунтовъ весу. А это ужъ такъ, остатки — архирейская одежда осталась... Я, знаете, стараюсь объ этихъ вещахъ не думать. Вотъ ужъ скоро два года, какъ я по тюрьмамъ мотаюсь. Сколько разъ бывало люди волнуются, такъ же, какъ вы, вступаются за заключенныхъ, думаютъ, можно войну съ **администраціей** вести. Напрасно это. Какой онъ ни есть зверь, но мы уже знаемъ, какъ съ нимъ ладить. Ну, а начнешь съ нимъ войну, либо его уберутъ, либо нетъ. А что если не уберутъ? Онъ озвереть, такъ, что житья съ нимъ не будетъ. Ну, а если сменять, можетъ еще худшаго пришлютъ. И верьте мне, какой бы онъ ни былъ воръ, мерзавецъ, коли онъ членъ партш, не **простятъ** они вамъ этого... Никогда».

VI.

Въ комнату вошелъ странный, очень **маленькій** человечекъ. Мальчишка? Нетъ. Женщина. Стриженные, черные **вьюшіеся** волосы, **блестящіе** какъ маслины глаза, **мелкія** черты лица, крас-

ная сатиновая на выпускъ рубаха, кожаная распахнутая куртка, короткая черная юбка, высокіе сапоги.

Русскій костюмъ не гармонировалъ съ типичнымъ еврейскимъ лицомъ. Она вошла въ сопровожденіи коменданта, его помощника и дѣвцы въ европейскомъ платьѣ.

«Рабоче-крестьянская инспекція», — шепнула мне Александра Федоровна.

«Белье казенное?» — спросила еврейка, повидимому главное лицо въ комиссіи.

«Свое», — ответила староста.

«Часто меняете?» — обратилась она ко мне.

Я разсмѣялась.

«И почему вы смеетесь?» — спросила она сурово, сморщив маленькую мордочку. — «Покажите-ка», — и она отвернула край одеяла на моей постели.

Я стояла не двигаясь и продолжала улыбаться... Решительнымъ движеніемъ она стала подходить ко всемъ кроватямъ, откидывать одеяла и смотреть постельное бельѣ.

«Чисто у васъ», — сказала она.

«Политическія», — пояснилъ комендантъ.

«Что же вы раньше не сказали? Ваша фамшія?» — обратилась она ко мне.

«Толстая».

«А! Я потомъ зайду къ вамъ».

Инспекція ушла въ сопровожденіи слѣдовавшей по пягамъ свиты, а я пошла въ контору, где мнѣ было поручено сорганизовать перепись заключенныхъ.

Мы еще не успели наладить работу, какъ въ контору вошла комиссія. Съ тѣмъ же деловымъ, важнымъ видомъ маленькое существо продолжало разспрашивать о порядкахъ въ лагере, и вдругъ величественно, отчего я опять чуть ни расхохоталась, махнула крошечной ручкой по направленію къ своей свите.

«Прошу васъ, товарищи, выйти», — сказала она, — «я желаю наедине побеседовать съ заключенными».

Почтительно склонившись, комендантъ, а за нимъ помощники вышли изъ комнаты.

«Ну-съ, товарищи», — сказала она, когда въ конторе остались однѣ заключенныя, — «я», — и она ткнула себя въ красную сатиновую грудь указательнымъ пальцемъ: — «представитель рабоче-крестьянской инспекцій съ одной стороны, съ другой я — членъ женотдела. Товарищи! Наше рабоче-крестьянское правительство очень озабочено темъ, чтобы граждане, рабочіе, крестьяне, вообще, такъ сказать, трудящіеся, — за-

блудившіеся еще, **вѣроятно**, подъ гнетомъ буржуазнаго правительства, просвѣщались бы въ духе **соціализма**. Товарищи! Вы все должны итти съ нами въ ногу. Все должны помогать **дѣлу совѣтскаго строительства**. Каждый изъ васъ **долженъ**, выйдя на свободу, постараться стать въ ряды **пролетаріата**, борющагося за свободу трудящихся. Кто здесь въ лагере занимается **просвѣщеніемъ?**

Молчаніе.

«Кто работаетъ съ неграмотными?»

«Я».

«Товарищъ Толстая?»

«Да».

«А какъ вы ведете **партийную** работу?»

«Никакъ».

«Почему?»

«Не сочувствую».

«Вотъ какъ. Это интересно. Но мы съ вами **побесѣдуемъ** после. А теперь, товарищи, я прошу васъ просто рассказать, какъ вы здесь живете? Хорошо-ли васъ питаютъ? **Получаете-ли** вы казенную одежду, достаточно-ли дровъ?»

Заключенные молчали.

«Товарищи, я васъ спрашиваю: никто не жалуется на **питаніе?** На плохое **обращеніе** начальства?»

Зло меня взяло.

«Къ чему эти вопросы?» — не выдержала я, — «неужели вы не понимаете, что заключенныя молчатъ совсемъ не потому, что жаловаться не на что, а потому, что скажи кто-нибудь слово, ихъ въ карцере заморозятъ, на работахъ замучатъ, или подведутъ подъ такую статью, что и въ живыхъ не **останешься**».

«Товарищи!» — воскликнула она снова, — «товарищъ Толстая ошибается. Я отвечаю за васъ, я», — и **маленькій** указательный палецъ опять воткнулся въ сатиновую рубаху. «Говорите. Не бойтесь».

Заклученныя молчали.

«Ну».

«Какъ мы будемъ говорить, когда мы не знаемъ, что намъ полагается», — сказала я, — «даютъ намъ супъ изъ мороженыхъ картофельныхъ очистокъ, хлеба не хватаетъ, одежду предлагаютъ старую, грязную... А разве мы знаемъ, что намъ полагается?»

«Это правда?» — обратилась инспекторша къ заключеннымъ.

«Чего тамъ... конечно правильно», — слышались голоса:

— «масла сполна не получаемъ, въ карцеръ за каждый пустякъ сжуютъ... сахара тоже недовесь».

«Такъ. Такъ. Чего же вы молчали, товарищи? А? Несознательность. Да».

Ревизія кончилась, инспекторша уѣхала. Заключение трепетали.

Несколько дней подрядъ пріѣзжали какіе-то люди, ходили на кухню, разспрашивали, что-то писали. Раза два появлялась маленькая коммунистка въ той же кожаной курткѣ, съ кожаной фуражкой на голове. И каждый разъ неизменно она заходила въ нашу камеру.

«Товарищъ Толстая», — сказала она мне однажды, — «хотите пойти въ театр? Я скажу коменданту, чтобы онъ васъ отпустилъ».

«НѢТЬ».

«Почему?»

«Не пойду и только».

Иногда она пробовала говорить со мной на политическія темы. Говорила она заученныя фразы о советскомъ рае, о развивающемся сознаниі пролетаріата, о грядущей міровой революціи. Мне было скучно, большей частью я молчала. Она радовалась, когда я не сдерживалась и отвечала.

Я посоветовала Дуне подать коммунистке прошеніе объ освобожденіи. Жалко было глядеть на это несчастное, безобидное, кроткое созданіе, томящееся неизвестно за что. Прошеніе написали, переписали, Дуня поставила крестикъ, вместо подписи кто-то за нее расписался и стали ждать коммунистку.

Черезъ несколько дней она пришла.

«За что арестована?» — спросила она, пробежавъ прошеніе глазами.

«Да хйба-жь я знаю? Арестовали за что-то».

«Ну, ладно, давай, товарищъ Дуня, твое прошеніе. Посмотримъ, что можно будетъ сделать».

«Спасибо, милая барышня».

«Я не барышня, а товарищъ. Вы, товарищъ Дуня, въ школу ходите?»

«Хожу».

«Ну, и прекрасно. Выйдете изъ школы грамотной сознательной гражданкой. Можетъ быть еще будете вместе съ нами бороться за рабоче-крестьянскую власть, комиссаромъ будете...»

Дуня смотрела на нее непонимающими наивными серыми глазами, но улыбалась, она была рада, что коммунистка взяла прошеніе.

«**Такія** у власти не бывают», — сказала я.
«Почему же это?» — обернулась ко **ми** коммунистка, как всегда жадная до споровъ.

«Честна слишкомъ».

«То-есть, что вы хотите этимъ сказать?»

«Ничего. Такимъ, какъ Дуня,* "место теперь въ **тюрьмахъ**, въ лагеряхъ. У власти товарищи **гвардейскіе** солдаты съ **отстрѣленными** указательными пальцами, грабители...»

«Продолжайте, пожалуйста».

«**...грабители** русской исконной старины».

Я вышла въ соседнюю комнату, прикрыла дверь и быстро изъ-подъ изразца вытащила крестъ.

«Вотъ они, ваши честные работники изъ рядовъ пролетаргата», — сказала я, бросая на столъ лоскутикъ съ **крестомъ**: — «Вы когда-нибудь видели **архирейскія** одежды? Вотъ изъ этого **комендантъ** шьетъ платья своимъ женамъ, ограбляя монастырскую ризницу... Грабятъ **заключенныхъ**, морятъ голодомъ, **истязаетъ**...»

Она слушала меня, широко раскрывъ глаза, и вдругъ вскочила.

«**Дайте сюда**».

Схвативъ лоскутокъ, она выбежала изъ комнаты.

Черезъ некоторое время коменданта уволили. Я была спасена. Но староста была права, **положеніе** заключенныхъ не улучшилось.

«Вставайте, Александра Львовна».

«А? Куда? Зачемъ?»

Я открыла глаза, въ комнате толпились кожаня куртки.

«Безъ разговоровъ. Въ **театръ**».

«Почему такъ поздно? Я не хочу въ театръ», — пробормотала я.

«А васъ и не спрашиваютъ, гражданка, хотите вы или **нѣтъ**. Приказано».

«Обыскъ», — шепнула мне Александра Федоровна.

«Обыскъ? Опять? Почему-же въ театръ?»

«Ничего не знаю! Велено всемъ **заключеннымъ** итти въ театръ, лагерь оцепленъ стражей».

«Что съ собой брать? Деньги какъ?»

«Съ собой берите, здесь все равно пропадутъ».

«А разве и здесь **будутъ** обыскивать?»

«А как же? Затемъ и въ театрѣ всехъ загоняють, чтобы здѣсь дочиста перерыть...»

«Какъ быть съ дневникомъ?» — думала я, торопливо одеваясь. — «Сжечь? Нетъ, жалко. Авось пронесетъ».

Выходимъ во дворъ, ярко освещенный факелами. Подъ деревьями между могильными памятниками вырисовываются кучки чекистовъ въ остроконечныхъ шапкахъ. Они разсыпаны по всему лагерю. Шумятъ мотоциклетки, автомобили. Со всехъ сторонъ небольшими группами спешатъ заключенныя въ театрѣ. Въ странномъ оцепенѣннѣ, въ полусне, я иду по двору. Мнѣ кажется, что я никогда прежде не видела этого места, эти выемныя деревья, бросающія причудливыя, нереальныя тени, каменные глыбы. — «Должно быть такъ въ аду», — думала я.

Театрѣ былъ также оцепленъ стражей. Насъ пустили внутрь. Нереальность исчезла. Злание было набито биткомъ, арестованныя все прибывали.

На эстраде новый комендантъ и двое чекистовъ, — женщина и мужчина. Женщина улыбалась. «Какъ она можетъ?» — подумала я. Со сил ли, съ перепуга или просто отъ холода многія заключенныя дрожали.

Люди на эстраде сидели за столомъ, пересмеивались, что-то писали. А заключенныя ждали два, можетъ быть, три часа. Наконецъ стали вызывать. До меня очередь дошла только къ утру.

«Толстая».

Сквозь толпу я протискалась на эстраду. НЕСКОЛЬКО вопросовъ: за что осуждены? чѣмъ занимаетесь? что у васъ съ собой? деньги? дайте сюда.

Женщина быстрыми ловкими пальцами шарила по телу, щупала волосы, чулки, выворачивала карманы. Каждое ея движеніе вызывало дрожь отвращенія и надо было наперечъ все силы, чтобы не отшвырнуть гадину.

У выхода изъ театра меня ждали товарищи по камере. Насъ вывели во дворъ и повели въ ОКОЛОТОКЪ, но не направо, где была больничка, а налево, въ изоляціонную для сифилитиковъ. Грязь, вместо постелей горячя паря. Комната была полна. Женщины сидѣли. Уголовныя ругались и сквернословили.

Только къ девяти часамъ привели обратно въ камеру. Вещи наши были разбросаны по полу, постели перевернуты. Я бросилась къ печке, подняла израрецъ, дневникъ лежалъ на мѣстѣ.

Днемъ я зашла въ театрѣ. Весь полъ былъ усыпанъ мелко изорванной бумагой. А деньги наши пропали.

«Дали бы мне. Я бы спрятала», — хвасталась Жоржикъ. --
«У меня **всѣ** до копеечки **цѣлы**.
«Какъ же это ты?»
«А очень просто. На то, мадамъ, и **профессія**».

VII.

Несколько человекъ **пріѣхали** изъ автотранспорта Народнаго **Комиссаріата Продовольствія**. Политическихъ вызвали въ контору и записывали ихъ профессіи. Делопроизводитель, счетоводъ, чертежникъ...

«Ваша профессія?» — спросили у меня.

Вотъ тебе и разъ. **Мнѣ** никогда и въ голову не приходило, что у меня нетъ профессіи. Чемъ я въ жизни занималась? **Редактированіе**, сельское хозяйство, **организационная** работа, кооперативы... Все не годится.

«Говорите что-нибудь», — шепнула мне армянка: — «На свободу, **вѣдь**, отпустить».

«Машинистка!» — крикнула я.

Записали и уехали, а мы забыли о нихъ, какъ забывали **многія другія посѣщенія**. Но вдругъ, дней черезъ десять, насъ снова вызвали въ контору.

«Собирайте вещи!»

Я опрометью бросилась въ камеру. Собрала вещи, простилась съ товарищами. У нихъ были **смущенныя** лица. Они были рады за меня, но я знала, что именно въ эту минуту имъ было особенно грустно.

У воротъ Новоспаскаго лагеря стоялъ большой зеленый грузовикъ. Симпатичный человекъ, усиленно **старающийся** скрыть свое **сочувствіе** къ намъ, приглашалъ садиться. **Затарахтела** машина. Насъ подшвыривало, трясло, а мы глупо и радостно улыбались.

Насъ привезли во дворъ на углу Тверской и Газетнаго переулка, ввели въ накуренную **канцелярію**. Мне дали истрепанную, грязную машинку Ундервудъ. Не успела я ее вычистить, какъ ужъ стали приносить бумаги: **отношенія**, доклады, отчеты... Прежде я никогда ничего не переписывала **кромѣ** сочиненій отца. Канцелярская формы **быди** мне незнакомы, учиться было не у кого. Одна изъ заключенныхъ, назвавшаяся машинисткой, въ ужасе прибежала ко мне, не зная, что, **дѣлать**. Ей также подвалили **цѣлую** грудку **бумагъ**, а она едва тюкала **по** клавишамъ однимъ пальцемъ. Пришлось помогать и ей.

«Что вы делаете!?» — кричалъ на меня симпатичный чело-

вѣкъ, который оказался безпартийнымъ инженеромъ. — «Вѣдь вы же даёте на подпись безграмотное отношеніе».

«Да я же исправила орфографическія ошибки».

«Но, ведь, по содержанію это никуда не годится. Вы старайтесь уловить смыслъ и пишите по своему, а онъ подмахнетъ. Вѣдь, онъ же двухъ словъ связать не можетъ».

Со временемъ я научилась это дѣлать и, получивъ бумагу отъ директора коммуниста, составляла ее по своему. Съ отчетами было хуже, я изнемогала отъ безконечныхъ цифръ, никакъ не могла печатать столбиками, какъ полагалось, путала итоги. Бумаги приносили и изъ другихъ отдѣловъ. Чѣмъ быстрее я выполняла работу, темъ больше мне подваливали бумагъ. Теперь ужъ не трудились писать содержаніе, а просто кричали черезъ комнату:

«Товаришъ Толстая! Въ отдѣль снабженія выговоръ за задержку!»

«Сейчасъ».

Я не могла понять, въ чемъ дело. Другія машинистки работали по четыре часа, потомъ спокойно складывали работу и уходили. А я возвращалась домой каждый день около семи съ мучительнымъ сознаніемъ, что не все переписала.

«Вы никогда не служили?» — спрашивала армянка.

«Никогда».

«Оно и видно. Разве такъ можно. Даютъ бумагу, а вы отругиваетесь, и такъ, моль, много, вчерашняя работа осталась. Подождите до завтра. А то имъ только повадку дай. Иной разъ и бумажки-то не нужно, а онъ лѣзетъ».

Въ соседнемъ доме была громадная столовая Наркомпрода, где обедали служащіе автотранспорта. Кормили насъ по тогдашнимъ временамъ хорошо. Денегъ за работу не платили, но давали паекъ: сахаръ, сало, пшено, иногда мясо...

Отработавъ 8-9 часовъ въ конторе, я шла домой, иногда совсечъ измученная работой, но счастливая сознаніемъ, что иду «домой». Я видела друзей, родныхъ. Одинъ разъ, забывъ, что я на положеніи заключенной, пошла на Толстовскій вечеръ. Выступалъ В. Ф. Булгаковъ. Какъ всегда горячо и смѣло онъ говорилъ объ отце, о насиліяхъ большевиковъ, о смертныхъ казняхъ и вдругъ, совершенно неожиданно, упомянулъ, что здесь, въ залѣ, присутствуетъ арестованная и находящаяся сейчасъ на принудительныхъ работахъ дочь Толстого.

Черезъ несколько дней зеленый грузовикъ снова отвезъ меня въ Новоспасскій лагерь. Прокуроръ республики Крыленко, узнавъ, что меня командировали на принудительныя работы и ч

присутствовала на Толстовскомъ вечерѣ, разсердился, **велѣлъ** меня немедленно водворить обратно **въ** лагерь и держать тамъ **«подъ** строжайшимъ надзоромъ».

Я надеялась, что въ лагерь **мнѣ** возвращаться не придется и новое **заключеніе** показалось **мнѣ** особенно **тяжкимъ**.

Многихъ въ лагере уже не было, появились новыя лица. Общее **вниманіе** теперь привлекала знаменитая мошенница, баронесса **фонъ-Штейнъ**, по прозвищу «Сонька золотая ручка». Въ лагере она сейчасъ же прославилась какъ замечательная гадальщица.

Только Жоржикъ отнеслась къ ней съ полнымъ **презрѣніемъ**.

«Сволочь, лягавая. У Ильменевоу браслетъ слизнула. Последнее дело, у своихъ воровать».

Даже **политическія** ходили гадать.

«Не можетъ быть, чтобы она была воровка», — говорили оне. — «Такая важная дама, прекрасно одета, говоритъ на всехъ языкахъ. А какъ гадаетъ. -Пойдите, Александра Львовна. Советуемъ вамъ...»

Какъ-то вечеромъ къ намъ въ камеру **вошла** высокая дама въ лиловомъ шелковомъ платьѣ съ пышными седыми волосами.

«Mademoiselle la comtesse, charmée de vous voir».

Я молчала угрюмо.

«I am so **happy** to meet you...»

«Ich habe **Ihren** Vaters **Bücher** gelesen».

Она сыпала фразу за фразой, переходя съ одного языка на другой, любезно улыбаясь. Но я продолжала молчать.

«Можетъ быть, вы **разрѣшите** вамъ погадать?»

«Нѣтъ, спасибо. Простите меня, но я избегаю знакомиться въ тюрьме».

Она пробормотала что-то по-французски и обратилась къ моимъ товарищамъ по камере.

А между **тѣмъ** обо мнѣ хлопотали. Маленькой коммунистке изъ рабоче-крестьянской **инспекціи** непременно хотелось мнѣ помочь, она говорила обо мнѣ въ ЦКП съ Коллонтай.

«Вы же можете работать для насъ», — говорила она мнѣ: — «И на свободѣ вы будете приносить гораздо больше пользы трудящимся».

Коллонтай вызвала меня къ себѣ. Маленькая коммунистка сопровождала меня. Она суетилась, волновалась, доставала мнѣ пропускъ въ ЦКП. Она съ беспокойствомъ следила за впечатленіемъ, которое я произвожу на Коллонтай.

А дней через **десять** после **этого** свиданія она какъ ураганъ ворвалась къ намъ въ камеру.

«Товарищ Толстая! **Товарищ** Толстая! У меня для васъ что-то есть!»

Черные глазки блестели больше **обыкновеннаго**, она прыгала по камере, **смѣялась**, и видно было, что ее распирало **отъ желанія** сообщить важную новость.

«**Громаднымъ** большинствомъ противъ одного голоса въ ЦКП **рѣшено** ходатайствовать передъ **ВЦИК'омъ** о **вашемъ** освобожденіи».

Съ другой стороны обо **мнѣ** хлопотали крестьяне. Трое ходочковъ изъ Ясной Поляны и двухъ соседнихъ деревень **пріѣхали** въ Москву къ Калинину хлопотать за меня.

Сестра тоже была въ Москве. И я просила коменданта отпустить меня на два часа въ городъ.

Но сколько я ни просила, комендантъ не соглашался. Онъ былъ не злой человекъ, недаромъ **носилъ** очки и старался походить на интеллигента, но онъ получилъ **распоряженіе** держать меня подь **строжайшимъ** надзоромъ и боялся.

«Товарищ комендантъ. Пожалуйста, пустите. Я сегодня же вернусь».

Онъ пристально **взглянулъ на** меня.

«Неть, нельзя. Лицо у васъ такое приметное... Очки. **Изъ** тысячи узнаешь. Нельзя».

Ни слова не сказавъ, я вышла изъ конторы.

Черезъ полчаса я пришла снова. На мне была Дунина сборчатая юбка, кофта, полушалокъ. Очки я сняла, брови собралъ, подчеркнула, нарумянила губы и щеки.

«Куда лезешь!» — крикнулъ комендантъ, когда я подошла къ столу.

«Къ вашей милости, батюшка. Дозвольте слово молвить».

«Откуда ты?»

«Не узнаете, товарищ комендантъ?» — сказала я уже своимъ **голосомъ**. — «Отпустите домой на часокъ, пожалуйста».

«Тѣфу, чортъ. Это вы, товарищ Толстая? Ну, видно делать нечего. Въ такомъ виде и самъ прокуроръ республики **васъ** не узнаетъ. Но помните: въ одиннадцать быть здесь и очковъ не надевать. Удивительное дело, какъ у васъ лицо безъ очковъ меняется».

«Спасибо».

Было ужъ совсемъ темно. Итти надо было по набережной Москва-реки. Кругомъ ни души. Вдругъ быстрые шаги сзади.

«Эй, стой! Ай къ милому бежишь?»

За **мною**, запыхавшись, шель солдатъ.

«Давай знакомиться **что-ли**».

Я остановилась, какъ вкопанная, и, **надѣвъ на** носъ очки, грозно **посмотрѣла** на красноармейца.

«Вы не знаете, съ **къмъ** имеее дело, товарищъ. Въ **милицію** хотите?»

«Виновать, **товарищъ**», — пробормоталь солдатъ и взяль подь **козырекъ**.

«Что это за маскарадъ?» — спросила сестра, когда я, наконецъ, добралась до дому.

«Погоди, дай краску смыть, тогда **разкажу**».

Крестьяне привезли **прошеніе**, подписанное **Яснополянскимъ**, Телятинскимъ и Грумонтскимъ обществами.

Въ моей квартирѣ пили чай съ **деревенскимъ ситникомъ** и разговаривали. Мужики говорили деловито, спокоино, безъ **те**ни сентиментальнаго **сочувствія**. И только, когда кончили пить чай, самый молодой, Ваня, заметивъ, какъ я была голодна, **вернулъ оставшійся** ситникъ въ бумагу.

«Возьмите съ собой, Александра Львовна».

«**Спасибо**, Ваня».

И опять раскрашенная, безъ очковъ, я бежала по набережной къ себе въ лагерь, сжимая подь мышкой половину ситника. И радость отъ **свиданія** съ сестрой и мужиками, радость отъ Ваниной ласковой улыбки была больше, чемъ отъ **надеждъ** на **освобожденіе**.

Черезъ мѣсяць меня выпустили.

Александра Толстая.